

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ЧУЖОЙ РЕЧИ В РОМАНЕ И.А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»

© **Викторина Т.В.***

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан

Анализируемый роман рассматривается как роман-диалог. В работе выявляются особенности взаимодействия представленных в художественном тексте форм чужой речи, делается вывод о насыщенности исследуемого произведения формами внутренней речи и тесной связи повествования с чужой речью.

Ключевые слова: чужая речь, анализ художественного текста, прямая речь, внутренняя речь, несобственно-прямая речь.

В историю мировой художественной прозы И.А. Гончаров вошел как один из создателей и крупнейших мастеров реалистического романа. Произведения этого писателя прежде всего отличаются особой манерой письма, которая, по мнению исследователей, с трудом поддается определению. В то же время лингвисты и литературоведы отмечают такие характерные особенности стиля Гончарова, как необыкновенную ровность, плавность и спокойствие языка [см., например: 1, 2, 3].

В данной работе мы рассмотрим особенности взаимодействия разных форм чужой речи в романе И.А. Гончарова «Обломов». В настоящее время в лингвистической литературе сложилась концепция о трех основных типах передачи чужой речи – прямой, косвенной и несобственно-прямой. Многие лингвисты (Г.О. Винокур, В.В. Виноградов, Н.Ю. Шведова, М.Н. Кожина и др.) признают чужую речь неотъемлемым компонентом лингвистического анализа художественного произведения, «представляющим собой – наряду с другими непосредственно составляющими – ядро научного описания языка и стиля писателя, комплекс элементов содержательной формы, активно участвующей в создании индивидуально-типизирующего художественного образа» [4, с. 8], и считают изучение чужой речи в ткани художественного текста одной из главнейших проблем лингвистики текста [5, с. 238].

Чужая речь в художественной литературе представлена по-разному. Так, исследователи отмечают, что диалог и функции прямой речи претерпели значительные изменения: «от недифференцированной, лишь формально выделенной из повествования речи персонажей средневековых памятников до умышленно бессвязного, исполненного подводных течений диалога в прозе XX века» [6, с. 330]. В «Обломове» диалоги составляют почти половину романа, поэтому в целом это художественное произведение можно

* Доцент кафедры Русского языка и методики преподавания, кандидат филологических наук, доцент.

охарактеризовать как «роман-диалог», так как именно в диалогических формах часто сосредоточена повествовательная линия романа, это можно объяснить намерением автора сконцентрировать своё внимание на характеристике главного персонажа романа – Обломова, у которого рефлексия преобладает над действием. В романе «Обломов», по нашим наблюдениям, автор использует все основные способы передачи чужой речи: косвенную, несобственно-прямую, прямую речь, одиночные реплики и диалог. По наличию или отсутствию собеседника, по способу произнесения (вслух или про себя) прямую речь, употреблённую в романе, можно разделить на три типа: а) собственно прямую речь и диалог; б) речь, произнесённую вслух и обращённую к самому себе; в) речь, произнесённую про себя (внутреннюю речь). Однако как заметил В.К. Фаворин, «внутренняя речь как специфическая форма у Гончарова, строго говоря, отсутствует, и внутренние монологи принимают характер почти обыкновенной речи, лишь произнесено мысленно, про себя» [7, с. 354].

Особенностью анализируемого литературного произведения является доминирование речевого действия над физическим. Герои этого произведения не столько действуют, сколько говорят, мыслят, чувствуют. В результате формы чужой речи занимают в романе значительное место, а их чередование обусловлено развитием сюжета и авторскими интенциями. В романе наблюдается переход от одной формы чужой речи к другой. Ср., например:

– *Боже, боже! – произнёс он от полноты счастья и очнулся.*

А тут раздалось со двора в пять голосов: «Картофеля! Песку, песку не надо ли? Уголья! Уголья... Пожертвуйте, милосердные господа, на постройку храма господня!» А из соседнего, вновь строящего дома раздавался стук топоров, крик рабочих.

– *Ах! – горестно вслух вздохнул Илья Ильич. – «Что за жизнь! Какое безобразие этот столичный шум! Когда же настанет райское желанное житьё? Когда в поля, в родные рощи? – думал он. – Лежать бы теперь на траве, под деревом, да глядеть сквозь ветки на солнышко и считать, сколько птичек перебивает на ветках. А тут тебе на траву то обед, то завтрак принесёт какая-нибудь краснощёкая прислужница, с голыми, круглыми и мягкими локтями и с загорелой шеей; потупляет, плутовка, взгляд и улыбается... Когда же настанет эта пора...».*

«А план! А староста, а квартира?» – вдруг раздалось в памяти его.

– *Да, да! – торопливо заговорил Илья Ильич, – сейчас, сию минуту!*

Гончаров И.А. указывает на совершаемое речевое действие, и в то же время ему необходимо обозначить эмоциональное состояние говорящего в момент речи. Кроме этого, писателю важно показать, как герои чувствуют себя в сложившейся ситуации, как находят из неё выход. В целом следует отметить, что автор уделяет значительное внимание анализу душевного состояния своих героев. Поэтому данное литературное произведение насыще-

но формами внутренней речи, т.к., саморегулятивная по характеру, она отражает мотивы поведения, изображает внутренний мир, внутреннюю жизнь говорящего, т.е. в целом является ярким средством психологической характеристики персонажа. Внутренняя речь может иметь характер рассуждения, раскрывать мечты героя, именно такая форма чаще встречается в романе. Ср., например: *«В десять мест в один день – несчастный! – думал Обломов. – И это жизнь! – Он сильно пожал плечами. – Где же тут человек? На что он раздробляется и рассыпается? Конечно, недурно заглянуть и в театр, и влюбиться в какую-нибудь Лидию ... она миленькая! В деревне с ней цветы рвать, кататься – хорошо, да в десять мест в один день – несчастный!»* – заключил он, перевёртываясь на спину и радуясь, что нет у него таких пустых желаний и мыслей, что он не мыкается, лежит вот тут, сохраняя свое человеческое достоинство и свой покой.

Внутренняя речь может быть построена и в форме внутреннего диалога, спора персонажа с самим собой. Ср., например: *«Боже мой! Если б она могла быть его сестрой! – думалось ей. – Какое счастье иметь вечные права на такого человека, не только на ум, но и на сердце, наслаждаться его присутствием законно, открыто, не платя за то никакими тяжёлыми жертвами, огорчениями, доверенностью жалкого прошедшего. А теперь что я такое? Уедет он – я не только не имею права удержать его, но должна желать его разлуки; а удержу – что я скажу ему, по какому праву хочу его ежеминутно видеть, слышать?.. Потому что мне скучно, что я тоскую, что он учит, забавляет меня, что он мне полезен, приятен. Конечно, это причина, но не право, а что я взамен приношу ему? право любоваться мною и не смею подумать о взаимности, когда столько других женщин сочли бы себя счастливыми...»*. Аутодиалоги, как правило, свидетельствуют «о разладе во внутреннем мире персонажа, о сомнении, поселившемся там, о борьбе добра и зла, эмоционального и рационального, ума и сердца» [5, с. 249]. Аутодиалоги употребляются автором для создания речевых партий и Ольги, и Обломова, и Штольца.

Для передачи точки зрения говорящего И.А. Гончаров употребляет и несобственно-прямую речь, которая направлена прежде всего на психологический самоанализ героя. Как писал В.В. Виноградов: «Символизация настроений и переживаний в «непрямой речи» более открытая, более «предметная» и непосредственная по сравнению с экспрессивной волнистостью синтаксических форм авторского повествования» [8, с. 225]. В то же время доминирующими в романе являются формы прямой и внутренней речи. Внутренняя речь в романе бывает развёрнутой, как в предыдущем примере, или имеет неразвёрнутый вид. В романе встречаются рядом несколько внутренних монологов, которые сигнализируют о новом витке в рассуждениях героя, или о смене предмета мысли. Ср. например:

«Боже мой, какая она хорошенькая! Бывают же такие на свете! – думал он, глядя на неё почти испуганными глазами. – Эта белизна, эти глаза, где,

как в пучине, темно и вместе блестит что-то, душу, должно быть! Улыбку можно читать, как книгу; за улыбкой эти зубы и вся голова ... как нежно покоится на плечах, точно зыблется, как цветок, дышит ароматом...».

«Да, я что-то добываю из неё, – думал он, – из неё что-то переходит в меня. У сердца, вот здесь, начинает будто кипеть и биться... Тут я чувствую что-то лишнее, чего, кажется, не было ... божье мой, какое счастье смотреть на неё! Даже дышать тяжело».

В состав вводящих прямую речь конструкций, наряду с двусоставными предложениями, автор включает и безличные: *«Ведь и я бы мог все это ... – думалось ему, – ведь я умею, кажется, и писать; писывал, бывало, не то что письма, а помудреннее этого! Куда же всё это делось? и переехать что за штука? Стоит захотеть! «Другой» халата никогда не надевает, – прибавилось ещё к характеристике другого; – «другой» ... – тут он зевнул ... – почти не спит ... «другой» тешит жизнь, везде бывает, всё видит, до всего ему дело... А я! Я ... не «другой»! – уже с грустью сказал он и впал в глубокую думу».* Глагольные лексемы, включённые в состав безличного предложения и употреблённые здесь в переносном значении, как правило, сигнализируют о тех мыслях, которые не являются собственно рассуждениями самого героя, а приходят к нему неожиданно, озаряют его, это мысли-мгновения. Обычно они представляют собой неразвёрнутую внутреннюю речь. Ср., например: *– О свадьбе ближе года и думать нельзя, – боязливо сказал он, – да, да, через год, не прежде! Ему ещё надо дописать свой план, надо порешить с архитектором, потом ... потом... – Он вздохнул.*

«Занять!» – блеснуло у него в голове, но он оттолкнул эту мысль.

Далее И.А. Гончаров использует форму разговора персонажа с самим собой, который затем переходит в несобственно-прямую речь; подобный приём автор употребляет неоднократно. Эти формы чужой речи показывают движение мысли главного героя, раскрывают мотивы его дальнейшего поведения. Ср.: *«Как можно! А как не отдашь в срок? Если дела пойдут плохо, тогда дадут ко взысканию, и имя Обломова, до сих пор чистое, неприкосновенное...» Божье сохрани! Тогда прощай его спокойствие, гордость ... нет, нет! Другие займут да потом и мечутся, работают, не снят, точно демона впускают в себя. Да, долг – это демон, бес, которого ничем не изгонишь кроме денег!»*

Если глагольные лексемы, вводящие внутреннюю речь, употреблены в двусоставном предложении и имеют переносное значение, то это, как правило, свидетельствует о сильнейшем волнении героя, о мучающих его мыслях, которые неотступно следуют за ним. Ср., например: *Она выслушает так просто и поверит. Даже сомнения, лукавой улыбки нет у неё.*

«Любит или не любит?» – играли у него в голове два вопроса.

Далее автор использует переход от внутренней речи к несобственно-прямой, которая, как известно, представляет контаминацию голоса автора и

персонажа. Несобственно-прямая речь переходит в авторское повествование, речь автора в речь героев, таким образом, в романе наблюдается теснейшая связь между повествованием и чужой речью. Ср.:

Если любит, отчего же она так осторожна, так скрытна? Если не любит, отчего же так предупредительна, покорна? Он уехал на неделю из Парижа в Лондон и пришёл сказать ей об этом в самый день отъезда, не предупредив заранее.

Если б она вдруг испугалась, изменилась в лице – вот и кончено, тайна поймана, он счастлив! А она крепко пожала ему руку, опечалилась: он был в отчаянии.

– Мне ужасно скучно будет, – сказала она, – плакать готова, я точно сирота теперь. Ma tante! Посмотрите, Андрей Иванович едет! – плаксиво прибавила она.

Она его срезала.

«Ещё к тётке обратилась! – думал он, – этого не доставало! Вижу, что ей жаль, что любит, пожалуй ... да этой любви можно, как товару на бирже, купить во столько-то времени, на столько-то внимания, угодлиivosti... Не ворочусь, – угрюмо думал он. – Прошу покорно, Ольга, девочка! По ниточке, бывало, ходила. Что с ней!»

Таким образом, автор применил в романе разные формы чужой речи, которые выполняют в тексте различные функции. К основным функциям диалога относят создание полифоничности произведения, введение множественных мировоззренческих точек зрения, выражение различных оценочных позиций, а также характерологическую функцию создания речевого портрета персонажа. Внутренняя речь употребляется в литературном произведении для психологического анализа состояния персонажа, для описания его интеллектуального и эмоционального мира, мира ума, души и сердца [5, с. 240-246].

Список литературы:

1. Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // И.А. Гончаров в русской критике. – М.: Гослитиздат, 1958. – С. 27-53.
2. Писарев Д.Н. Писемский. Тургенев. Гончаров // И.А. Гончаров в русской критике. – М.: Гослитиздат, 1958. – С. 113-138.
3. Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины 19 в. – Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1954. – 468 с.
4. Чумаков Г.М. Синтаксис конструкций с чужой речью. – Киев: Вища школа, 1975. – 220 с.
5. Бабенко Л.Г., Васильев И.Е. Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. – Екатеринбург: Изд-во Ур. ун-та, 2000. – 534 с.
6. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. – Л.: Художественная литература, 1977. – 448 с.

7. Фаворин В.К. О взаимодействии авторской речи и речи персонажей в языке трилогии Гончарова // Известия АН СССР. – Т. IX, вып. 5. – С. 352-364.
8. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980. – 360 с.

ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

© Данцева А.В.^{*}, Цариненко Т.А.[♦], Ростова М.Л.[♥]

Лесосибирский педагогический институт – филиал
Сибирского федерального университета, г. Лесосибирск

Статья посвящена рассмотрению особенностей профессиональной лексики на примере специальной медицинской терминологии и профессионализмов, употребляемых в речи героев сериала «Доктор Хаус».

Ключевые слова: профессиональный жаргон, профессиональная лексика, термины, профессионализмы.

В современном обществе в условиях стремительного развития науки и техники возрастает интерес к исследованию профессиональной лексики той или иной области знания. Профессиональная лексика, это всегда что-то новое, то, что никогда не стоит на месте. Приобретая новые знания, люди развиваются, повышая свой профессиональный уровень, и это является ярким признаком современного мира. В любой сфере деятельности человека активно формируется своя профессиональная терминология. Специальная лексика занимает важное место не только в системе общенационального языка, но и в нашей речи, что и обуславливает пристальное внимание к языку различных специальностей. В результате роста научно-технической отрасли происходит постоянное расширение терминологического состава языка, что соответственно влечет за собой необходимость инвентаризации, унификации и кодификации лексических единиц языка той или иной специальности.

Медицина – одна из самых широких сфер международной научной деятельности, где обмен знаниями и информацией требуют от специалистов этой области особого отношения к языку, культуре, обществу.

Актуальность проблематики данного исследования определяется интенсивным развитием технологий, увеличением количества специалистов, возникновение новых терминов, стремлением к совместной работе с коллегами на международной арене, а также развитием профессиональной коммуни-

^{*} Студент кафедры Иностранных языков.

[♦] Студент кафедры Иностранных языков.

[♥] Старший преподаватель кафедры Иностранных языков.